

ТЕАТРАЛЬНЫЙ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

№ 18.

8 МАЯ 1860 Г.

Цѣна 10 р. с. въ годъ; съ доставкою на домъ 11 р. с.; иногородные прилагаютъ за пересылку 1 р. 50 к. с.

Подписка принимается: въ Конторѣ журнала въ С. Петербургѣ, при музыкальномъ магазинѣ Ф. Стелловскаго, поставщика Двора Его Императорскаго Величества, въ Большой Морской, д. Лауферта; въ газетныхъ экспедиціяхъ. Въ Москвѣ, въ магазинахъ: музыкальномъ Ленгольда, и въ книжномъ Базунова. Желавшіе подписаться могутъ получить Вѣстникъ съ № 1-го со всеми приложениями.

Къ № 18-му прилагается: полька для фортепіано, „Souvenir d'un bal“ соч. Романуса.

Содержаніе: Театральная лѣтопись. — Московскія театральныя письма. — Театръ въ Англии. — Вѣсти отовсюду. — Репертуаръ.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Гг. Шумскій и Гаазе продолжаютъ своей артистической игрой доставлять большое наслажденіе любителямъ сценическаго искусства. Необыкновенно тщательная и художественная отдѣлка игры, тонкость и умъ сближаютъ этихъ двухъ артистовъ: оба они не полагаются на однѣ природныя средства, а трудятся, изучая всякую роль до мельчайшихъ оттѣнковъ. Это весьма важное качество, встрѣчающееся весьма рѣдко у самыхъ талантливыхъ актеровъ. Внимательно слѣдя за этими артистами, мы остаемся при нашемъ мнѣніи, что оба они высокіе комическіе таланты, но интересны и въ драмѣ, въ послѣдней въ особенности г. Гаазе, который каждой исполняемой имъ роли придаетъ особенную типичность. Такъ онъ, со свойственнымъ себѣ талантомъ, создалъ въ послѣднее время роли Кромвеля и Нарциса. Драма «Die Royalisten» не лишена интереса по своему историческому содержанію, по сюжету ея не довольно развитъ: это небольшой эскизъ-эпизодъ изъ жизни знаменитаго героя-ханжи Кромвеля, страшнаго преслѣдователя роялистовъ. Впрочемъ, въ драмѣ есть нѣсколько трогательныхъ ситуаций, какъ напр. сцена, въ которой отчаянная роялистка, леди Виндгамъ, для спасенія своего короля Карла 2 Стюарта, жертвуетъ своимъ, сыномъ и сцена, въ которой свирѣпый Кромвель увлекается живымъ воспоминаніемъ своей юности и первой любви. Г. Гаазе въ особенности въ этой сценѣ произвелъ на публику большое впечатлѣніе. Вообще, личность Кромвеля представлена имъ была необыкновенно типично, гримированъ

онъ былъ замѣчательно, такъ, что казалось, что передъ нами непремѣнно долженъ быть портретъ Кромвеля; видно было, что г. Гаазе исторически-вѣрно изучилъ эту личность. Нарцисъ данъ былъ въ бенефисъ г-жи Лапгенгаунъ. Бенефициантка принята была радушно и въ продолженіе пьесы заслуживала постоянное одобреніе: она съ большимъ умомъ и тактомъ передала личность маркизы Помпадуръ, роль весьма трудную; конечно, увлекательная наружность г. Лапгенгаунъ не мало помогла ей; но вообще видно, что артистка эта много трудилась надъ изученіемъ роли, которую дѣйствительно передала весьма удовлетворительно. Въ послѣдней сценѣ только мы совѣтовали-бы ей удержаться немного отъ слишкомъ рѣзкихъ вскрикиваній: во-первыхъ, Помпадуръ, въ эту минуту, отъ сильнаго волненія весьма слаба и вскрикиванія не могутъ быть естественны; во-вторыхъ, гордая Помпадуръ, носявшая на корону французской королевы и давно привыкшая къ утонченнымъ манерамъ французскаго двора, даже въ гнѣвѣ и упрекахъ своихъ, должна сохранить достоинство въ тонѣ и движеніяхъ. Г. Гаазе, по обыкновенію, художественно выполнилъ главную роль, которой придалъ характеръ воистинѣ серьезный. Нарцисъ въ лицѣ г. Гаазе болѣе герой драмы, резонеръ, тогда какъ въ игрѣ г. Самойлова проглядывала болѣе беззаботность и насмѣшливость, составляющія отличительную черту характера Нарциса; поэтому намъ кажется, что типъ созданный г. Самойловымъ вѣрнѣе; впрочемъ, каждый изъ этихъ артистовъ въ этой роли по своему художествененъ и трудно положительнѣ опредѣлить; на чьей сторонѣ перевѣсъ. Мнѣніе о самомъ произведеніи высказано уже въ Вѣстникѣ; намъ остается только прибавить, что г-жа Шенгофъ весьма естественно и съ чувствомъ выполнила роль хорошенькой актрисы французскаго театра Кино; мѣстами только она впадала въ декламацию, которая впрочемъ составляетъ неизбѣжную принадлежность даже лучшихъ нѣмецкихъ актеровъ.

Въ понедѣльникъ, данъ былъ спектакль въ пользу г-жи Барановой, весьма рѣдко являющейся на сценѣ и даже въ свой

бенефисъ выступившей въ пустой роли. Благодаря участию г. Шумскаго и обыкновеннымъ цѣнамъ мѣсть, театръ былъ полонъ; бенефициантку встрѣтили даже съ рукоплесканіями; вѣроятно ужъ такъ принято, что бенефициантъ непременно должно похлопать; а то, признаемся, г-жа Баранова, по настоящее время, ни одной ролю не заслужила еще особеннаго приѣма. Давали «Бѣдную невѣсту», въ которой г. Шумскій незначительной обыкновенно личности Добротворскаго придавъ такую рельефность, типичность, что публика приведена была въ неописанный восторгъ. Смотри на добродушнаго старичка-хлопотуна, передъ вами знакомое лицо, съ которымъ, вамъ кажется, вы часто встрѣчались. Эта-то правда въ игрѣ ставитъ г. Шумскаго весьма высоко. За тѣмъ онъ представилъ оригинала-англичанина, въ извѣстной пьесѣ «Честь удовлетворена»; по тутъ онъ долженъ былъ уступить гг. Гаазе и Бертону: роль ему не удалась. По чисто русскому акценту и правильности выговора, сохранившихся въ дикціи г. Шумскаго, трудно было вообразить себѣ англичанина, не смотря на то, что онъ гримированъ былъ вѣрно; ему было какъ-то неловко и онъ имѣлъ видъ русскаго, сляцагося представить англичанина. Вообще, пьеса въ русскомъ переводѣ какъ-то вяла и скучновата, тѣмъ болѣе, что переведена съ французской контрафакціи Дюма; она гораздо забавнѣе въ оригиналѣ т. е. на нѣмецкой сценѣ подъ названіемъ: «Englisch». Г. Дюма безцеремонно позаимствовалъ у нѣмцевъ сюжетъ и выдалъ за свой подъ названіемъ: «L'honneur est satisfait»; во французской передѣлкѣ сюжетъ пьесы уже потерялъ интересъ и еще менѣе нравился въ русской. Читатели наши вѣроятно помнятъ пошленькій водевилъ «Villa des Amours», даваемый съ успѣхомъ на сценѣ Михайловскаго театра, благодаря финальному канкану, въ которомъ отличались Терикъ или Мальвина, Дешамъ и др.; *Миленькая дачка*, заключившая бенефисъ г-жи Барановой, оказалась буквальнымъ переводомъ этого слишкомъ уже *миленькаго* и безцеремоннаго фарса. Какъ-то грустно видѣть подобныя пошлости на русской сценѣ; намъ всегда жаль артистовъ, которые должны ломаться на всѣ стороны, чтобы потѣшить нѣкоторую часть зрителей поклонниковъ канкана, пошлѣйшаго изъ танцевъ и всегда неумысленнаго на сценѣ. Впрочемъ, весьма многіе приходятъ даже въ восторгъ отъ этого танца и охотники до него восторженно рукоплескали г-мъ Левгѣевой и Прокофьевой и гг. Алексѣеву и Озерову, исполнившимъ его не хуже французовъ.

Въ заключеніе долгомъ считаемъ упомянуть о г. Пронскомъ, весьма вѣрно и типично передавшемъ личность Мерича въ «Бѣдной невѣстѣ» и заслужившаго общее одобреніе, и о г. Марковецкомъ за отсутствіемъ г. Мартынова, удачно исполнившемъ роль Беневоленскаго.

М. Р.

МОСКОВСКІЯ ТЕАТРАЛЬНЫЯ ПИСЬМА.

IX.

Сестры Ферри.—Концертъ съ живыми картинами въ пользу приютовъ.—Бенефисъ г. Лузина.—Кое что изъ лекцій Молинали.—Открытие театровъ послѣ поста и г-жа Шубертъ.—

Бенефисъ г. Риччи.—Г. Мартыновъ.

Новостей накопилось такъ много, что затрудняюсь съ чего

начать; буду впрочемъ держаться порядка, въ какомъ слѣдовали онѣ одна за другою. Въ среду, на шестой, недѣлѣ дали первый концертъ свой сестры Ферри и наши весьма и весьма немногочисленные слушатели, такъ что Большой театръ нашъ, за исключеніемъ первыхъ рядовъ кресель, да нѣсколькихъ ложъ бель-этажа и перваго ряда, былъ почти пустъ. Обстоятельство грустное; тѣмъ не менѣе я не думаю винить за это московскую публику. Сочувствіе свое всему прекрасному, неравнодушіе къ истиннымъ дарованіямъ она искони доказывала и доказываетъ самымъ блистательнымъ образомъ; но, въ теченіе нынѣшняго поста она наслушалась *до безчувствія*, наслушалась такъ много всякой вслчины, что, естественно, могла усомниться: не принадлежать-ли и сестры Ферри къ разбору золотой посредственности? За то какъ единодушно снѣжили москвичи заглядывать свою ошибку, когда отъ немногихъ, бывшихъ въ первомъ концертѣ, узнали, что таланты сестеръ-виртуозокъ—истинные, замѣчательные таланты! Второй концертъ ихъ (7 апрѣля) наполнилъ Большой театръ съ верха до низу. Игра молодыхъ виолонистокъ художественна и энергична; въ звукахъ скрипокъ своихъ артистки, кажется, выливаютъ всю душу; отчетливость, выразительность исполненія необыкновенны, вкуса много; степень совершенства у обѣихъ сестеръ одинакова, такъ что не знаешь, какой изъ нихъ отдать преимущество: обѣ лучше. Концертантки разыграли хорошенькій дуэтъ Данкла, двѣ прекрасныя фантазіи Леопарда, концертъ Мендельсона Бартольди, «*Prière de Moïse*» Паганини (на четвертой струнѣ) и «Венеціанскимъ карнаваломъ» Эрнста заключилось торжество даровитыхъ артистокъ. Вызовамъ не было конца, такъ что оркестръ не могъ даже исполнить маршъ, которымъ долженъ былъ окончиться концертъ. Третій и послѣдній концертъ г-жи Ферри дали съ немалымъ успѣхомъ, хотя и съ меньшимъ числомъ слушателей (по невѣстительности залы) въ домѣ 4-й Гимназіи, бывшемъ Пашкова. На святой-же недѣлѣ даны были въ залѣ Благороднаго собранія два концерта съ живыми картинами въ пользу приютовъ. Участниками и распорядителями въ этихъ концертахъ были «любители». Музыкальная часть оказалась неудовлетворительною, живыя картины отличались эффектною и великолѣпностію; за то не отличались вкусомъ и богатствомъ композиціи; впрочемъ, благотворительная цѣль и дилетантизмъ участвующихъ налагаютъ на уста печать молчанія. Иные, однако, считали приятною обязанностью приходивъ въ умиленіе и даже выражать его печатно, какъ сдѣлалъ это, вѣроятно въ видахъ поощренія, г. Н. П.—ій въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». 8 апрѣля въ Маломъ театрѣ данъ былъ концертъ съ живыми картинами въ пользу балетнаго дирижера г. Лузина. Концертъ этотъ не представилъ ничего особенно-замѣчательнаго, развѣ кромѣ того только, что въ живыхъ картинахъ участвовала г-жа Лебедева и что поэтому они составляли насущную часть концерта. Чтобы покончить со всѣмъ, что касалось театра и музыки въ прошедшій великопостный сезонъ, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о 8-й лекціи г. де-Молинали. На этой лекціи онъ доказывалъ, что и въ дѣлѣ умственной производительности, также какъ и въ производительности вещественной, экономическая свобода благотвѣльнѣе регламентаціи. Коснувшись драматическаго искусства, онъ сопоставилъ экономическую исторію французскаго театра съ исторіею театральныхъ предприятий въ Бельгійи и довольно наглядно показалъ, какъ не далеко, благодаря систе-

мѣ вмѣшательства, ушло драматическое искусство во Франціи и какъ, наоборотъ, процвѣтаетъ оно, благодаря экономической свободѣ, въ Бельгіи. Театры у насъ открылись 11 апрѣля (въ понедѣльникъ). Въ Большомъ театрѣ давали «Риголетто» въ новой обстановкѣ; исполнителями явились ученики Риччи, которыми, какъ слышалъ я, публика весьма удовлетворилась; самому же мнѣ слышать ихъ не удалось, потому что я въ этотъ вечеръ былъ въ Маломъ театрѣ, гдѣ дебютировала г-жа Шубертъ, которая окончательно переходитъ на нашу сцену. Дебютантка въ первый спектакль явилась въ двухъ роляхъ: Софьи Александровны Ласточкиной, въ водевилѣ «Война съ тещей» и Евгени Александровны Запольской, въ хорошенькой комедіи А. В. Дружинина «Не всякому слуху вѣрь». Обѣ роли довольно удалось ей; но вторая гораздо больше первой и потому уже, что она давала артисткѣ больше возможности выказать талантъ свой. Роль Ласточкиной, этой молодой ханжи, сама по себѣ вяла; а вяла потому, что фальшива: въ женщинѣ, которая изъ любви къ мужу (въ концѣ пьесы) рѣшается, не смотря ни на что, даже на угрозы своей изувѣрки матери, поднять дымъ-коромысломъ, т. е. дать балъ въ домѣ, гдѣ до той поры слышались только печали и воздыханія, да скрежетъ зубовой, въ такой женщинѣ не можетъ эта любовь къ мужу таиться такъ долго (вѣдь въ Ласточкиной не обнаруживается она ничѣмъ вплоть до 3-го дѣйствія). Этотъ психологическій просмотръ со стороны автора долженъ быть пополненъ исполнительницею; а г-жа Шубертъ этого не сдѣлала. Впрочемъ, я не думаю ставить ей это въ большую вину; по моему, изъ этого только видно, что она недовольно всмотрѣлась въ роль; иначе она пожалуй бы не взялась за нее и впоследствии, не только на первый разъ. Впрочемъ и въ роли Ласточкиной нѣкоторыя мѣста истинно прекрасно удалось г-жѣ Шубертъ; такъ, чрезвычайно хороша была она во 2-мъ дѣйствіи (у Красицкой); какъ мило испугалась она, когда Красицкая сказала ей, что даетъ балъ! «Вы балъ даете? Ахъ, прощайте!» съ наивнымъ ужасомъ, живо вставъ съ дивана, проговорила она и граціозно направилась къ двери. Въ роли Запольской дебютантка была, кажется, рѣшительно на своемъ мѣстѣ. Она ловко умѣла соединить въ своемъ живомъ исполненіи молодость и старушечью почти сварливость, доброту и желаніе покапризничать, любовь къ мужу и нежеланіе уступить ему въ чемъ-либо; изъ всего этого вышла, что называется, женщина съ характеромъ. Характеристическія черты игры г-жи Шубертъ — совершенная простота, безъэффектность и скромность, качества, весьма цѣнные въ артисткѣ, по крайней мѣрѣ на мои глаза. За то съ другой стороны игрѣ этой замѣтно не достаетъ искренности, теплоты и чувства и душевнаго веселья, что такъ необходимо подъ часъ въ роляхъ ея амплуа и безъ чего ея ровное, обдуманное исполненіе отзывается сухостью. Дебютантка имѣла успѣхъ, понравилась публикѣ и займетъ видное мѣсто въ ряду артистокъ нашей драматической труппы; но аванъ-постъ не легко отбить у г-жи Колосовой. 20 апрѣля, въ бенефисъ г. Риччи шла опера: «Любовный напитокъ», очень удовлетворительно исполненная его учениками. Г-жа Кохъ въ роли мизанщи Алины была хороша, и какъ пѣвица, и какъ актриса. Голосъ у нея свѣжъ, звученъ; владѣетъ имъ она легко и не безъ умѣнья; держитъ себя прекрасно; игра ея выразительна и проста. У г. Дюжикова тенорокъ небольшой, но чистенькій и пріятный; въ игрѣ его ужъ слишкомъ много скромности, такъ что онъ кажется даже неразвязнымъ;

впрочемъ, это шло къ роли молодого крестьянина Неморино. Басъ г-на Васильева 1-го силенъ и звученъ; партію сержанта Белькоре молодой артистъ этотъ исполнилъ весьма хорошо. Любимецъ московской публики г. Мео въ роли доктора Дулькамара пропѣлъ свою партію необыкновенно удачно, такъ что мнѣ довелось слышать, какъ нѣкоторые отдавали ему въ этой роли преимущество даже передъ покойнымъ Лаблашемъ (Москва порой любить такъ пересолить); я, впрочемъ, не даю воли своей фантазіи и на такое сравненіе не посягаю. Бенефициантъ самъ дирижировалъ оркестромъ и былъ нѣсколько разъ вызванъ. Наконецъ обращаюсь къ самой отрадной для насъ, москвичей, новости, къ самому любезному подарку, которымъ Москва обязана Петербургу, къ дорогому гостю нашему г. Мартынову. Вотъ уже около двухъ недѣль истинно наслаждаемся мы его прекрасною игрою и удивляемся необыкновенно обширному діапазону его таланта. Легко сказать, г. Мартыновъ превосходитъ во всѣхъ роляхъ своихъ отъ Дерюгина въ фарсѣ «Незнакомые знакомцы» до Боярышника въ включительн. Въ первый разъ явился онъ на нашей сценѣ въ этой послѣдней роли и произвелъ на публику впечатлѣніе самого потрясающаго свойства. До сихъ поръ я какъ-то смутно, какъ-бы «зеркаломъ въ гаданіи», понималъ личность Боярышника въ умномъ, но относительно гораздо менѣе талантливомъ исполненіи г. Дмитревскаго; теперь же, благодаря г. Мартынову, передо мной вполне живымъ возстаетъ образъ этого злостнаго ханжи; теперь опъ въ моихъ глазахъ получилъ истинное воплощеніе и я чувствую сильное біеніе жизненнаго пульса въ этомъ старческомъ организмѣ; а почувствовать заставилъ меня именно г. Мартыновъ, такъ ловко и правдиво сумѣвшій передать эту роль во всѣхъ фазахъ, во всѣхъ топчайшихъ изгибахъ ея. Одно, въ пятиактной пьесѣ только одно мѣсто, признаюсь, показалось мнѣ нѣсколько сомнительнаго свойства; это именно сцена объятій отца съ дочерью въ 3 дѣйствіи, отзывавшаяся нѣкоторою утрировкой и приторпостью. Вообще, вся комедія на этотъ разъ была разыграна особенно успѣшно, чему больше всѣхъ, послѣ г. Мартынова, содѣйствовали гг. Васильевъ (въ роли Ильюши) и Разказовъ (въ роли Щукина). Во второй роли, также прекрасно исполненной г. Мартыновымъ, въ роли Михайлы въ драмѣ «Чужое добро въ прокъ не пойдетъ», узнать его было рѣшительно невозможно, такъ мало между этими двумя ролями было общаго, Мартыновскаго, или, лучше сказать, до такой степени не было ничего общаго между ними. Откуда взялись эти угловато-рѣзкіе, размашистые ямщицкіе манеры, эти глаза на выкатѣ, наконецъ этотъ грубый, тугой и отрывистый голосъ? Поразительно! Поиита и создана эта роль была вполне артистично; а о вѣрности возсозданной дѣйствительности нечего и говорить. Впрочемъ, и г. Васильевъ исполнялъ эту роль по своему не менѣе удачно; такъ что не знаешь, кому изъ двухъ артистовъ удалась она болѣе? У г. Мартынова вышла она какъ будто повидержаннѣе, а у г. Васильева какъ будто поживѣе. Данная въ бенефисъ г. Колосова маленькая пьеска «Незнакомые знакомцы» познакомила насъ съ другою, не менѣе развитою и прекрасною сторопою г. Мартынова. Удивительно, что сумѣлъ сдѣлать даровитый артистъ изъ этой пустой, ничтожной *eo ipso* роли! Личность Дерюгина вышла въ его исполненіи прелюбопытная, вполне живая личность. И опять таки это былъ далеко не тотъ Мартыновъ, который являлся въ двухъ первыхъ роляхъ. А сколько простоты и естественности даже въ самомъ фарсѣ! Столько же хороши и изящно забавны были онъ въ другой маленькой водевилной роли

Говоркова «Дядюшка-болтушка». Въ «Женихъ изъ долговаго отдѣленія» гармонично сочетались и ярко выказались объ ступни обширнаго таланта г. Мартынова. Не смотря на весь комизмъ обстановки и самой личности Ладыжкина, онъ заставилъ зрителя невольно сострадать ему и нужно было видѣть, какъ ожидала заключительныхъ словъ безневѣстнаго жениха, весь театръ притаилъ дыханіе. И дѣйствительно, въ этихъ словахъ вылилась вся душа забитаго судьбою человѣка и глубокую, непередаваемую грусть унесъ онъ съ собою за сцену. Та-же грусть сообщилась и публикѣ, какъ заключительное впечатлѣніе, вынесенное изъ пьесы; тогда какъ послѣ игры г. Садовскаго въ той-же роли, не въ укоръ сказать этому многоуважаемому мною артисту, зритель остается въ самомъ веселомъ глумящемся настроеніи. Тутъ ужъ видно, дѣло въ свойствахъ талантовъ. Для роли холостяка—Мошкина тоже не остается желать лучшаго исполнителя; въ этой высоко-комической роли болѣе, чѣмъ во всякой другой, обнаружилась вся прочность, вся состоятельность этого истиннаго таланта. Въ теченіе двухъ большихъ актовъ, г. Мартыновъ ни разу не прибѣгнулъ къ малѣйшему фарсу, не сдѣлалъ ни одного лишняго движенія; а между тѣмъ, весь театръ или отъ души смѣялся надъ нимъ, или глубоко ему сочувствовалъ. Да и вся комедія имѣла праздничный видъ, во-первыхъ, благодаря сокращенію; а во-вторыхъ, потому что, кромѣ Мартынова, прекрасно исполнили свои роли: г. Живокини (Шпундикъ), г. Самаринъ (фонъ-Клаксъ), г-жа Акимова (Прижкина) и г-жа Савина (Бѣлоногова). Накопецъ недавно сыгралъ г. Мартыновъ Льва Гурыча Синичкина и эта роль менѣе другихъ удалась ему. Написанная для нашего комика В. И. Живокини, она требуетъ исключительно его игры; тутъ нуженъ именно его фарсъ grotesque. Въ этихъ условій роль, а съ нею и вся пьеса, пропадаютъ. Впрочемъ, все-таки и здѣсь дорогой гость нашъ былъ очень хорошъ, да иначе едва-ли можетъ и быть. Про успѣхъ г. Мартынова нечего и говорить: онъ вполне соответствуетъ доставляемому игрою его наслажденію; Москва, какъ извѣстно, въ этомъ случаѣ не любитъ оставаться въ долгу у артистовъ. Завтра объявленъ г. Мартынова (пойдетъ «Отецъ семейства») и всѣ мѣста въ театрѣ уже разобраны; да къ тому-же и цѣны возвышены бенефициантомъ довольно милостиво, невѣримъ другимъ заѣзжимъ и нѣкоторымъ нашимъ артистамъ. О послѣдующихъ роляхъ, которыя сыграетъ у насъ Мартыновъ, равно какъ и о новомъ балетѣ «Сальтарелло», напишу въ слѣдующемъ письмѣ.

А. Баженовъ.

ТЕАТРЪ ВЪ АНГЛІИ

въ наше время.

Альфреда фонъ Вольцогена.

(Продолженіе).

Вольтеръ сказалъ: L'amusement est un des besoins de l'homme (Забавы—одна изъ потребностей человѣка). Да, г. Вольтеръ—французъ; но въ Англій, благодаря тамошнимъ нравамъ, еще не зашли такъ далеко, чтобъ считать удовольствія необходимою потребностью. Впрочемъ, развитію театра въ Англій не мало препятствуетъ та религіозная чинность, принятая приверженцами извѣстной «Lowchurch» и многими диссентерами «dissenters»; феміонепоблная-же публика все еще смотритъ на сценическое искусство съ точки зрѣнія законодательства Георга II, ставившаго (актеровъ, бродягъ и прочую сволочь) «Vagabonds and rogues», на одну доску. Еще въ 1834

или 35 году, когда парламентъ спорилъ о театральномъ вопросѣ, одинъ изъ почетныхъ членовъ Нижняго парламента, мистеръ Ротшъ, сказалъ слѣдующую рѣчь: «Театры существуютъ только для того, чтобы соединять актеровъ, жалкій классъ людей, не находящихъ другаго средства къ пропитанію; и для этой сволочи мы должны трудиться, издавая законы».

Было-бы несправедливо слѣдовать религіозному предубѣжденію многихъ англійскихъ семействъ противъ сцены, проистекающему изъ ложной набожности и совершеннаго непониманія искусства, и вслѣдствіе того постоянно осуждать театръ и искусство. Соръ драматической литературы, которымъ британскій театръ каждый вечеръ угощаетъ публику, объявляетъ такую открытую войну всему прекрасному, истинному и доброму, что даже самые страстные любители театра станутъ сомнѣваться, прилично-ли ихъ женамъ и дочерямъ принимать участіе въ такихъ безнравственныхъ удовольствіяхъ. Какъ грубо и оскорбительно для изящнаго вкуса бываетъ составленъ спектакль на главнѣйшихъ сценахъ Лондона! Обыкновенно вездѣ даются въ одинъ вечеръ двѣ большія пьесы, и за самой серьезной драмой, или трагедіей слѣдуетъ, большею частію, самая бѣшеная и неприличная арлекинада.

Коль видѣлъ въ 1843 г., на Ковентгарденскомъ театрѣ «Короля Лира», послѣ одной изъ симфоній Бетховена, сыгранной передъ трагедіей вмѣсто увертюры; въ то время, какъ зрители еще не оправались отъ сильнаго впечатлѣнія, которое на нихъ произвело чудное твореніе Шекспира и чудная музыка Бетховена, вдругъ по всему театру раздался пронзительный, всѣмъ знакомый свистокъ англійскаго полишинеля (*punch*), затѣмъ началась самая безтолковая полишинель—увертюра, а за ней послѣдовала бѣшеная святочная пантомима: «Арлекинъ, король Иоаннъ и большая хартія» (*Magna Charta*).

Въ Бирмингамѣ, этомъ раѣ полезныхъ искусствъ, пришлось тому-же путешественнику переварить слѣдующій драматическій рагу: трагедію Шекспира «Венеціанскій купецъ»; въ антрактахъ, между дѣйствіями, танцевала Фанни Черрито краковскіе, литовскіе и цыганскіе танцы, а въ заключеніе, лондонскій арлекинскій фарсъ: *The new footman* (*Новый лакей*), въ которомъ щедро разсыпаны самыя грубыя и плоскія шутки, толчки и пинки; тѣмъ не менѣе, фарсъ отлично забавлялъ публику. Фридрихъ ф. Раумеръ восхищался исполненіемъ оперы Бетховена «Фиделіо», въ Лондонѣ, въ 1835 г. въ которой Малибранъ пѣла главную партію, и принужденъ былъ съ отчаяніемъ удалиться изъ оскверненнаго храма Таали, когда за дивнымъ «Фиделіо» послѣдовала длинный скучный фарсъ: «turning the tables», разыгранный, сверхъ того, весьма посредственно. Меня самого угостили въ 1853 г. на театрѣ принцессы «Макбетомъ», а затѣмъ трехактной драмой «Марко Спада», переиженной изъ оперы того-же названія Скриба и Обера, нѣкимъ мистеромъ Мальгревомъ Сампсономъ, остроумный талантъ котораго имѣетъ столько-же сходства съ гениемъ Шекспира, какъ вальсы Штрауса и Ланнера съ мелодіями Бетховена и Глюка.

Сильнѣйшимъ доказательствомъ грубаго вкуса, господствующаго до нынѣ на англійской сценѣ, служитъ то, что шаржированныя роли лучше всего исполняются; пѣвцы и актеры, какъ справедливо замѣтилъ князь Пуклеръ, стараются изо всей силы кричать; даже любимѣйшіе англійскіе комики, какъ напр. Бюкстонъ, въ Геймаркетѣ, употребляютъ одни и тѣ-же средства въ передаваніи самыхъ разнородныхъ характеровъ; во

всѣхъ роляхъ они одинаково хрюкають, стонуть, ломаются, вертятся и потому свойственная имъ *vis comica* тратится не на тонкую индивидуальность и созданіе характеровъ, а на грубую стереотипную игру. Но не смотря на оскорбленіе эстетическаго вкуса такими балаганными средствами, англійская сцена отнюдь не освободилась отъ неблагопристойностей, господствующихъ на ней въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ (преимущественно въ царствованіе Карла II), и представители распутства и площадныхъ выходокъ все еще привлекають публику въ театрѣ; такъ, что даже въ странѣ такъ называемаго *self-government* не могли обойтись безъ строжайшей цензуры и полицейскаго присмотра, которые уже не разъ употребляли въ дѣло свою власть.

Съ давнихъ поръ существуетъ въ Англии родъ театральной цензуры, въ которой оберъ-камергеръ королевы «*Lord Chamberlain*» уполномоченъ допускать или запрещать представленіе каждой пьесы; всѣ новыя пьесы должны, до появленія своего на сценѣ, подвергнуться его просмотру и одобренію. Нынче этотъ придворный чиновникъ весьма рѣдко предъявляетъ свои права; даже въ одномъ засѣданіи парламента, по поводу театрального комитета, было принято слѣдующее рѣшеніе: цензура необходима для театра, не для предохраненія сцены отъ безнравственности, но для того, чтобъ не допускать въ пьесахъ политическхъ намековъ. Прежній *Lord Chamberlain* въ тридцатыхъ годахъ этого столѣтія, еще строже наблюдалъ за нравственностью и вычеркнулъ изъ одной драмы слова: «Она ангелъ», основываясь на томъ, что «неприлично и богохульно примѣнять слова библіи къ грѣшнымъ женщинамъ». И этотъ приговоръ относился къ сценѣ, которая теперь, почти исключительно, продовольствуется вдохновеніемъ парижскихъ фабрикантовъ драмъ!

Бульверъ, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи, весьма остроумно, и, къ сожалѣнію, весьма вѣрно отзываясь о своемъ отечествѣ:

«Если французскій театръ (такъ какъ его авторы истощили въ своихъ пьесахъ весь запасъ самыхъ поразительныхъ преступленій) продовольствуется убійствомъ и кровосмѣшеніемъ, то англійскій живетъ, напротивъ, воровствомъ. Онъ крадетъ все, что попадется ему подъ руку; сегодня, онъ присвоиваетъ себѣ французскій фарсъ, завтра, онъ дѣлается церковнымъ воромъ и посягаетъ даже на Библію. Самые честные изъ нашихъ иѣмединыхъ драматурговъ морщатся, говоря о такихъ чужестранныхъ мошенничествахъ, и проникнутые духомъ возвышеннаго патріотизма, ограничиваются обкрадываніемъ своей отечественной литературы. Эти люди не считаютъ воровствомъ присвоивать себѣ старый товаръ; они буккнисты, продающіе все изъ вторыхъ рукъ. Они охотятся за собственностью Гейвуда и Декера, похищаютъ планъ Флечера, или Ширлея, а слогъ ловятъ какъ рыбу во всякой водѣ. Одинъ продовольствуется одноактнымъ водевилемъ Скриба, между тѣмъ какъ другой, съ гордостью автора пятиактной поэмы, провозглашаетъ возрожденіе старой драмы, крадя сюжетъ, характеры дѣйствующихъ лицъ, слогъ, однимъ словомъ, все изъ сочиненій Додслея.»

За исключеніемъ пьесъ Шекспира, драматическія произведенія англійскихъ классиковъ весьма рѣдко даются на сценѣ; они покоются въ книжныхъ шкафахъ ученыхъ и любителей

литературы. Только пьесы Вебстера «*Duchess of Amali*;» Шеридана *Trip to carbazough, Rivals* и *School for Scandal*; Гольдпимта *The stoops to conquer*; Аддисона — *Cato*; Отвея — *Venice preserved*; Жоржа Кольмана — *The Heir-at-Law* появляются иногда на сценѣ. Недавно попробовали дать на театрѣ Принцессы произведеніе лорда Байрона: «Сардананалъ», нѣкоторыя драмы Бульвера, изъ которыхъ *Lady of Lyons* считается даже классическимъ произведеніемъ, и любимыя переводныя пьесы Коцебу: *The stranger* и *Pizarro*. Но всѣ упомянутыя здѣсь пьесы не могутъ образовать классическаго репертуара.

Напротивъ, всемірному монарху современной драматической поэзіи, одинаково господствующему въ области серьезнаго и смѣшнаго, въ сравненіи съ которымъ прочіе драматическіе авторы то-же что уличные комедіанты съ петлиными артистами, оказываютъ большой почетъ. Почти всѣ театры въ Лондонѣ и во всей Англии, за исключеніемъ тѣхъ, которые назначили свою сцену для одной оперы, много занимаются произведеніями Шекспира; не такъ давно существовали въ Шедвелѣ и Вайтчепелѣ, въ восточныхъ частяхъ метрополиса, грошевыя театры, въ которыхъ давались, еще при жизни великаго поэта, многія его произведенія, передъ публикой, уступающей даже публикѣ нашего райка. Но еще и нынче Теодору Фонтану пришлось сидѣть на представленіи «Антонія и Клеопатры» въ *Standart*-театрѣ, между работникомъ съ верфи и гренадеромъ швейцарской гвардіи; между тѣмъ какъ циркъ Астлея угостилъ его «Ричардомъ III», приправленнымъ конными упражненіями; Ричмондъ, верхомъ на великолѣпной бѣлой кобылѣ преслѣдовалъ, во весь опоръ, короля, мчавшагося на ворономъ жеребцѣ. Театры *Surrey* и *Lyceum* дерзають часто представлять на своей сценѣ «Отелло», вообще самое любимое въ Англии произведеніе Шекспира, любимое даже больше «Макбета» и «Гамлета», которые, послѣ «Отелло», даются чаще всѣхъ прочихъ.

Но собственно «театрами Шекспира» можно назвать исключительно два: «театръ Принцессы» и *Sadler's Wells* театр; первый, въ окфордской улицѣ, подъ управленіемъ Карла Киппа, сына Эдмунда Киппа; настоящая фамилія этого знаменитаго трагика была Карей; онъ дебютировалъ подъ этимъ именемъ 24-го января 1814 г., въ роли Шейлока, на сценѣ Дриорилскаго театра, и съ того времени до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1833 г., считался величайшимъ актеромъ Англии; а другой — въ *New River Head, Islington*, подъ управленіемъ Самуила Фильса, который, съ тѣхъ поръ какъ знаменитый Мекреди оставилъ сцену, (въ 1851 г.) считается первымъ современнымъ исполнителемъ произведеній Шекспира.

Публика, посѣщающая эти два театра, весьма разнохарактерна, что легко объясняется различіемъ цѣпъ за входъ. Между тѣмъ, какъ въ повомъ *Royal Princess* театрѣ, отстроенномъ съ изыщѣйшимъ великолѣпіемъ, платятъ за мѣсто въ партерѣ 6 шиллинговъ, мистеръ Фильсъ довольствуется тремя шиллингами за лучшія мѣста въ своемъ театрѣ, существующемъ почти съ 1765 г., и въ которомъ, въ прежнія времена, исполнялись преимущественно большія морскія пьесы: (*

(* Этотъ театръ, еще съ 1683 г., былъ предназначенъ для морскихъ драмъ, потому что находился по близости такъ называемаго *New River*, доставлявшей возможность въ главныхъ сценахъ драмъ пускать на сцену настоящую воду.

за мѣсто въ галлерей, стоящее у Кина 1 шиллингъ, платятъ у Фильса шесть пенсовъ. Вслѣдствіе такой разницы въ цѣнѣ, въ театрѣ Кина собираются фешіонбельные зрители въ бальныхъ нарядахъ, между тѣмъ какъ Фильсъ принужденъ довольствоваться самой смѣшанной публикой; но во всякомъ случаѣ Кинъ, хотя умный но далеко не такой талантливый актеръ, какъ его дешевый собратъ, который менѣе чѣмъ въ 10 лѣтъ успѣлъ включить въ свой репертуаръ тридцать пьесъ Шекспира и вообще прославился величайшею дѣятельностью. Труппы обоихъ директоровъ немного уступаютъ другъ другу, хотя у Кина можно найти весьма талантливыхъ артистовъ, какъ напримѣръ: миссъ Эленъ Терри и мистеръ Райдеръ. Последняго я видѣлъ въ роли Макдуффа, которую онъ исполнилъ превосходно; мистриссъ Чарльзъ Кинъ, напротивъ, въ роли леди Макбетъ, кромѣ развѣ довольно удачно исполненной сцены лунализма, невыносимо кричала въ сильныхъ мѣстахъ.

Все сценическія принадлежности у Кина устроены съ самымъ утонченнымъ вкусомъ; дѣйствительно, трудно представить себѣ что-либо великолѣпнѣе и изящнѣе, какъ напримѣръ, его декораціи въ пьесѣ: «Сопъ въ лѣтнюю ночь» и въ «Венеціанскомъ купцѣ»; величественнѣе и ближе къ дѣйствительности, какъ боевыя и народныя сцены въ историческихъ драмахъ; поразительнѣе и ужаснѣе, какъ появленіе вѣдьмъ въ «Макбетѣ». Директоры театровъ, режиссеры, декораторы и машинисты всего свѣта должны преклониться передъ такимъ превосходнѣйшимъ ансамблемъ, эффектнымъ и быстрымъ движениемъ грушъ, необыкновенно точнымъ совокуплениемъ всѣхъ театральныхъ силъ, мастерскимъ расположениемъ свѣта, восхитительною прелестью декораціонной живописи. Даже музыка оркестра выбрана старательно и часто мелодраматически аккомпанируетъ въ главныхъ эффектныхъ сценахъ. Само собой разумѣется, гениальная музыка Мендельсона къ пьесѣ: «Сопъ въ лѣтнюю ночь, исполняется здѣсь съ величайшею точностью: какой-то мистеръ Локеръ написалъ къ «Макбету» музыку, богатую контрапунктными украшеніями и усиливающую эффектъ въ сценахъ вѣдьмъ, пиршества и битвы. Однимъ словомъ, вышняя обстановка представленій драмъ Шекспира на театрѣ Кина — безукоризненна, и мы, нѣмцы, часто угощаемые классическими произведеніями въ нищенскихъ лохмотьяхъ, должны отдать полную честь такому совершенству, которое даже нельзя встрѣтить въ Парижѣ; Кинъ умѣетъ, какъ никто, въ точности придерживаться правила Вольтера:

«Онъ соединяетъ сценическое великолѣпіе съ безсмертнымъ стихомъ.» Если Кинъ до сихъ поръ, послѣ девятилѣтней дѣятельности, успѣлъ поставить на сцену только около 12 или 14-ти капитальныхъ Шекспировыхъ пьесъ, выѣстъ съ другими менѣе значительными, то причиною этой, повидимому, слабой дѣятельности, въ сравненіи съ товарищемъ его Фильсомъ, единственно — необыкновенная роскошь и колоссальная приготвленія при постановкѣ на сцену драматическихъ произведеній. Но ни въ какомъ случаѣ также не должно строго осуждать Фильса за его скромныя средства; постановка Фильса имѣетъ даже, въ одномъ отношеніи, преимущество передъ Киномъ, потому что Фильсъ обращаетъ болѣе вниманія не на роскошь, а на характеристику сценическихъ аппаратовъ. Табъ мы должны согласиться съ Фонтапомъ что, напримѣръ, сцена съ тѣнію въ первомъ актѣ «Гамлета» въ *Sadler's - Wells* театръ невольно потрясаетъ зрителей. Въ ту самую минуту, ко-

гда Гамлетъ со словами (актъ 1, явленіе 4, переводъ Плегеля): «Кто осмѣлится меня удерживать, того я самъ отправлю въ царство тѣней! — Прочь, говорю тебѣ! — Иди, я слѣдую за тобой,» Идетъ за тѣнію въ правую кулису, декорація, какъ-бы по мановенію волшебнаго жезла, превращается въ террасу Гельзингерскаго замка, выходящую на скалу.

На сценѣ глубокая ночь. Тѣнь снова появляется, за ней Гамлетъ и спрашиваетъ:

«Куда меня ведешь? — Говори, я далѣе не иду!» Тѣнь показывается въ углубленіи скалы; ея серебрянныя латы отражаются на темномъ грунтѣ, какъ полоса луннаго свѣта. При послѣднихъ] словахъ привидѣнія: «Разсвѣтъ ужъ не далеко и т. д. — Прости, прости, прости, и помни обо мнѣ!» Сѣроватые сумерки распространяются на авансценѣ; тѣнь исчезаетъ въ темной пропасти (Фонтапъ справедливо замѣчаетъ: «неслышно и неподвижно, какъ падающая звѣзда»). Въ тотъ же мигъ, первые лучи восходящаго солнца озаряютъ ужасную ночную сцену и передъ глазами зрителя являются Гамлетъ и море, оба глубоко молчаливые.

Также одинаково неподражаемо были исполнены, при мнѣ, обѣ сцены поединка, между Макбетомъ и Макдуффомъ между Гамлетомъ и Лаэртомъ и т. д. у Кина и у Фильса. Это была не театральная забава съ оружіемъ, но дѣйствительная битва на жизнь и смерть (какъ казалось) слѣдя за которой зрители чувствовали, какъ у нихъ лѣденела кровь. — Но женскія роли на этихъ театрахъ, часто исполняются не совѣмъ удовлетворительно; зрителямъ, поневолѣ, приходится довольствоваться подражательными манерами изящныхъ леди и условными формами исполненія, тогда какъ хотѣлось-бы насладиться натуральной безискусственной игрой; но безпрестанно слѣдя за актрисой въ главныхъ сценахъ одной и той-же роли, видно, что главные мѣста своихъ ролей артисты исполняютъ по преданію, напоминающему самыя блестящія созвѣздія театральнаго горизонта Англій; начало этого преданія доходитъ даже до короля поэтовъ, безсмертнаго Шекспира.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №-рѣ.)

ВѢСТИ ОТВСЮДУ.

Послѣдующіе дебюты В. В. Самойлова въ Одессѣ. — Театръ въ Ригѣ. — Ожидаемые дебюты въ Парижѣ. — Благотворительность Ристори. — Новыя пьесы. — Музыкальные вечера въ аристократическихъ салонахъ. — Новое музыкальное чудо. — Концерты г-жи Ингеборгъ — Старкъ. — Г-жа Лагуа. — Ученникъ Вьетана. — Рубинштейнъ. — Новая опера въ Веймарѣ. — Родословная Бетховена.

Съ пріѣздомъ В. В. Самойлова въ Одессу, тамошній театръ необыкновенно оживился и съ разу занялъ видное мѣсто въ хроникѣ общественной жизни. Первое появленіе нашего артиста на одесской сценѣ было, какъ мы уже писали, въ *Свадьбѣ Крепінскаго*. Въ этой роли, такъ художественно имъ исполняемой, В. В. Самойловъ произвелъ необыкновенное впечатлѣніе на одесскую публику, привыкшую видѣть въ пей актеровъ второстепенныхъ и не вѣрно передававшихъ эту характеристическую личность. Такой-же огромный успѣхъ имѣлъ г. Самойловъ въ роли полѣсовника, въ драмѣ Корженевскаго:

Окно во второмъ этажѣ, и въ драмахъ: *Машенька* и *Станционный Смотритель*.

Музыка Оффенбаха, директора парижскаго театра Bouffes Parisiens, особенно нравится въ Ригѣ. Нѣкоторыя изъ его оперетокъ уже были представлены на рижской сценѣ, въ томъ числѣ и извѣстная: *Le Mariage aux lanternes*. Въ бенефисъ капельмейстера рижской оперы Отта, дана другая оперетка Оффенбаха: *Das Mädchen von Elisondo*, отличающаяся приятными мелодіями. Дѣйствіе происходитъ въ Испаніи, и композиторъ удачно умѣлъ придать своей музыкѣ мѣстный колоритъ. Но игривая оперетка въ испанскомъ вкусѣ исполняется какъ-то тяжелою пѣвцами; главная партія молодой испанки рѣшительно не подходитъ къ средствамъ рижской примадонны, г-жи Унгеръ. Кромѣ того, представленъ родъ мелодрамы съ живыми картинами и съ интродукціей изъ *Сотворенія міра* Гайдна, Юлія Пабста. Мелодрама эта должна была изображать апогеозъ четырехъ великихъ нѣмецкихъ композиторовъ: Глюка, Моцарта, Бетховена и Вебера. Хоры исполнены первыми сюжетами оперной труппы; вообще, эта мелодрама при своей обстановкѣ вышла очень удачна.

Въ Парижѣ ожидаютъ съ нетерпѣніемъ дебюта прославленныхъ сестеръ Маркизіо въ *Семирамидѣ*; но передъ тѣмъ эти пѣвицы явятся, какъ слышно, на большомъ ежегодномъ фестивалѣ въ Большой Оперѣ, въ пользу драматическихъ артистовъ, состоящихъ на пенсіи; въ этомъ представленіи примутъ участіе многіе извѣстные артисты, въ томъ числѣ и Ристори. Кстати объ этой артисткѣ. Ристори, славящаяся не только своимъ великимъ талантомъ, но прекрасными душевными качествами, устроила недавно въ залѣ Герца музыкально-декламационный вечеръ, въ пользу своего соотечественника Гоглиарди, везшаго цѣлую труппу акробатовъ въ Парижъ. Все семейство и труппа несчастнаго итальянца погибли во время страшной бури на пакетботѣ *Луиза*, шедшемъ изъ Бастіи; онъ одинъ спасся и потерявъ родныхъ и послѣднее имущество, находился въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Ристори, всегда готовая подать руку помощи несчастнымъ, устроила въ пользу Гоглиарди концертъ, на который собралась многочисленная публика. Въ концертѣ, кромѣ итальянскихъ пѣвцовъ, участвовала г-жа Югальдъ, явившаяся къ костюмѣ Жиль—Блаза, послѣ его представленія на сценѣ Комической Оперы, и исполнила съ обычнымъ своимъ *brio* увлекательную серенаду изъ этой-же оперы. Сама Ристори продекламировала пятую пѣснь изъ поэмы Данта: *Адъ*, балладу Далл'Онгаро и еще одно стихотвореніе. Усердіе великой артистки не пропало даромъ: сборъ съ концерта оказался весьма значительнымъ и обезпечилъ ея бѣднаго соотечественника.

Дюма—отецъ, написавшій въ сотрудничествѣ съ Локруа новую пьесу, отдалъ ее на сцену Водевилъ; комедія эта назначалась первоначально для Французскаго театра, но Комитетъ ея не принялъ по разнымъ политическимъ причинамъ. Она называется: *L'Envers d'une Conspiration* и блещитъ остроуміемъ, подобно прочимъ произведеніямъ непстоцимаго и юнаго Дюма.

На сценѣ Одеона имѣла успѣхъ новая комедія въ стихахъ г. Лери: *Le Profits du Jaloux*.

У парижскаго книгопродавца Гашета появилось полное собраніе произведеній Шиллера и Гете во французскомъ переводѣ, въ 10-ти томахъ.

Музыкальные вечера и концерты продолжаются въ Парижѣ, не смотря на весеннее время; комедія и музыка сдѣлались необходимыми принадлежностями каждаго аристократическаго вечера. Недавно блестящее общество собралось у графини***, изящной покровительницы всѣхъ искусствъ. Многіе талантливые артисты оживили вечеръ своимъ пѣніемъ и игрой; потомъ хозяинъ дома, исправлявшій должность режиссера, вышелъ на эстраду, служившую вмѣсто сцены, отдалъ три обычные поклона публикѣ и произнесъ слѣдующую краткую рѣчь:

Mesdames et messieurs.

«Спѣшу объявить вамъ приятную новость. Мой братъ, который только что пріѣхалъ, случайно встрѣтилъ на Вандомской площади Тамберлика, Альбони, Пенко, Гемара, Монтобри, Кабель и Югальдъ. Всѣ они только что вмѣстѣ отужинали и хотѣли разѣзжаться по домамъ. Братъ мой сказалъ имъ, что ѣдетъ ко мнѣ и эти превосходные артисты тотчасъ-же сами предложили ему сопутствовать и пропѣть что нибудь для нашихъ прелестныхъ дамъ. Они уже готовы пѣть, но такъ какъ нарядъ ихъ вовсе не бальный—мужчины въ пальто, дамы въ шляпкахъ, то они не хотятъ показаться передъ обществомъ, тѣмъ не менѣе наши гости ихъ услышатъ. Они будутъ пѣть за ширмами». Эти слова были встрѣчены громкими рукоплесканіями. Посреди сцены поставили ширмы, за которыя можно было войти не бывъ виднымъ изъ залы. Хозяинъ дома, стоявшій за ширмами, всталъ на стулъ и высунувъ только голову, обратился къ публикѣ:

— Mesdames, г. Тамберликъ споетъ арію изъ Донъ-Жуана: «*Il mio tesoro.*»

Дѣйствительно, Тамберликъ спѣлъ арію такъ, какъ развѣ только одинъ Рубини пѣвалъ до него.

Зала потряслась отъ рукоплесканій. Послѣ Тамберлика амфитрионъ объявилъ объ исполненіи комической серенады изъ четвертаго акта *Жиль-Блаза*.

Г-жа Югальдъ превзошла себя; она спѣла серенаду еще съ большимъ одушевленіемъ, чѣмъ всегда.

Затѣмъ теноръ Монтобри исполнилъ каватину; г-жа Пенко—арію изъ *Crociato*; г-жа Кабель—вальсъ изъ *Люермеля*, Гемаръ—большую арію изъ *Геркуланума*, Альбони—*Brindisi* изъ *Дукреции Борджіи*, которое она пропѣла увлекательно, безподобно. По окончаніи концерта, когда аплодисменты утихли, ширмы убрали и хозяинъ дома вошелъ въ залу, ведя за собой очень смуглаго, молодаго человѣка, небольшого роста, и представилъ его обществу, какъ замѣчательнаго испанскаго артиста, Мельхиора Раморено. Затѣмъ на сценѣ исполнили комическую оперетку съ театра Bouffes Parisiens: *Les deux aveugles*; по окончаніи ея, амфитрионъ-режиссеръ явился снова на сценѣ, держа за руку г. Раморено. «Mesdames, сказалъ онъ, вы думали что слышали пѣніе Тамберлика, г-жъ Югальдъ, Кабель, Альбони, Пенко, Гемара? Ничего не бывало, вы слышали только г. Раморено, который поетъ какъ Тамберликъ, Альбони, Гемаръ и др». Гости засмѣялись, не хотѣли вѣрить; но г. Раморено повторилъ начало аріи Тамберлика, начало *Brindisi* Альбони, потомъ спѣлъ дуэтъ между г-жей Гемаръ и Обеномъ. Слушатели не могли придти въ себя отъ удивленія. На дняхъ, г. Раморено уѣхалъ въ Лондонъ; по возвращеніи въ Парижъ, онъ дастъ пѣсколько концертовъ и хотя будетъ пѣть одинъ, но публика услышитъ въ его пѣніи всѣхъ пѣвцовъ Парижа.

Раморено самый необыкновенный подражатель, который когда-либо являлся въ музыкальномъ мірѣ.

Однимъ изъ самыхъ блестящихъ концертовъ весенняго сезона въ Парижѣ должно, безспорно, назвать концертъ г-жи Ингеборгъ-Старкъ, въ залѣ Эрара. Противъ принятаго обыкновенія, г-жа Старкъ участвовала одна въ своемъ концертѣ и изумила слушателей своею необыкновенною неутомимостью и разнообразіемъ своего таланта, исполнивъ произведенія Шуманна, Фильда, Шопена, Крейцера, Листа. «Что за талантъ! пишутъ въ одной парижской газетѣ, какое удивительное сліяніе различныхъ родовъ фортепіанной музыки! Дочь сѣвера (г-жа Старкъ родилась въ Петербургѣ), она усвоила себѣ всю ученость и мечтательность музыкантовъ и философовъ тѣхъ странъ, про которыя Генрихъ Гейне сказалъ: «Это земное отечество душъ, влюбленныхъ въ идеаль». — Ученица Листа, г-жа Старкъ обладаетъ силой и священнымъ огнемъ своего учителя. Она играла два часа безъ отдыха и ни малѣйшая усталость не выказалась въ ея игрѣ. Смотри на эту молодую, прелестную дѣвушку, какъ-бы шутя преодолюющую сверхъестественныя трудности, которыя современное искусство предписываетъ виртуозамъ, невольно задаешь себѣ вопросъ, какъ эти дѣтскія, нѣжныя ручки переносятъ такую музыкальную пытку и кака тайная сила поддерживаетъ молодую артистку!...»

Вариации для двухъ фортепіанъ (Шуманна), ноктюрнъ Фильда и вальсъ въ *ut-dièze* Шопена вызвали громкія рукоплесканія. Маршъ изъ «Тангейзера» Листа заставили повторить; соната г-жи Старкъ, написанная во вкусѣ современныхъ композиторовъ и изящная *berceuse* выказали въ полномъ блескѣ композиторскій талантъ молодой виртуозки. Въ заключеніе, прелестная піанистка сыграла Тарантеллу изъ «Фенеллы» Листа, испещренную неимоверными трудностями. Послѣдній концертъ г-жи Ингеборгъ-Старкъ, въ залѣ Герца отличался такимъ-же многочисленнымъ собраніемъ самой отборной публики. Восторженныя рукоплесканія, долго не умолкавшія по окончаніи концерта, проводили молодую артистку, приобретающую въ Парижѣ, какъ и вездѣ, множество поклонниковъ своего прекраснаго таланта.

Г-жа Лагруа явилась въ первый разъ на вѣнской сценѣ, въ роли *Лукреціи Борджіи* и снова поразила публику своимъ драматизмомъ. Прочіе сюжеты весьма и весьма плохи, кромѣ развѣ контральта, г-жи Тати, пѣвшей два года въ Одессѣ; г-жа Тати, обладая звучнымъ и приятнымъ голосомъ, была хороша въ роли Орсино, хотя исполнила ее не безъ аффектаціи; за то герцогъ походилъ на танцмейстера, да и самъ Дженаро былъ черезъ чуръ приторно-несносенъ. Къ довершенію неудачи хоры шли неуспѣшно, а капельмейстеръ вѣнской оперы Зуппе дирижируетъ слишкомъ холодно и вяло и нисколько не одушевляетъ ни пѣвцовъ, ни оркестръ. — Въ Вѣнѣ давалъ концертъ молодой скрипачъ Познанскій. Въ бытность свою въ Нью-Йоркѣ онъ познакомился съ Вьетаномъ, сдѣлался его ученикомъ и съ тѣхъ поръ всюду сопровождалъ

своего знаменитаго учителя. Такимъ образомъ г. Познанскій пріѣхалъ съ Вьетаномъ въ Вѣну и участвовалъ въ первый разъ въ концертѣ своего учителя и конечно, подлѣ такого громаднаго таланта показался очень скромнымъ исполнителемъ. Когда Вьетанъ уѣхалъ въ Россію, Познанскій остался въ Вѣнѣ доканчивать свое музыкальное образованіе, но являлся однако и въ публичныхъ концертахъ. Артистъ еще очень молодъ; ему нѣтъ 16 лѣтъ, талантъ его при большомъ развитіи обѣщаетъ много въ будущемъ.

Рубинштейна ожидаютъ въ Вѣнѣ, гдѣ онъ намѣренъ провести лѣто за городомъ и окончить оперу, назначенную имъ для вѣнскаго придворнаго театра. Въ концѣ апрѣля Рубинштейнъ останавливался въ Лейпцигѣ, вмѣстѣ съ нашимъ заслуженнымъ артистомъ К. Шубертомъ.

Въ день рожденія В. герцогини Саксенъ-Веймарской, представлена на придворномъ театрѣ Веймара новая опера бельгійскаго композитора Эдуарда Лассена: *Frauenlob*. Новая опера г. Лассена, бывшаго ученика Фетиса, очень понравилась; музыка изобличаетъ въ композиторѣ несомнѣнный талантъ и заключаетъ въ себѣ всѣ элементы прочнаго успѣха. Исполнена опера съ большимъ ансамблемъ; въ главной женской партіи отличалась примадонна веймарскаго театра, г-жа фонъ Мильде.

Романи, сынъ извѣстнаго флорентинскаго преподавателя пѣнія, написалъ оперу для приема короля Виктора-Эммануила во Флоренціи.

Въ заключеніе, сообщимъ нашимъ читателямъ родословную одного изъ величайшихъ композиторовъ музыкальнаго міра — Бетховена. Происхожденіе фамиліи ванъ-Бетховенъ открыто г. де-Бурбуромъ; оно стало извѣстно съ начала XVII столѣтія, въ одномъ селеніи при Левенѣ. Потомокъ этой фамиліи, въ половинѣ того-же столѣтія, поселился въ Антверпенѣ. Одинъ изъ его сыновей, Вильгельмъ ванъ-Бетховенъ женился въ 1680 г. на Катеринѣ Гранжанъ. Отъ этого брака родилось восемь человѣкъ дѣтей; въ числѣ ихъ былъ Генрихъ Аделяръ ванъ-Бетховенъ, крещенный въ Антверпенской церкви *Notre Dame*. Аделяръ ванъ-Бетховенъ женился на Маріи-Катаринѣ Гердъ, отъ которой имѣлъ 12 человѣкъ дѣтей; изъ нихъ третій назывался Лудвигомъ, а послѣдній Лудвигомъ-Іосифомъ. Этотъ Лудвигъ ванъ-Бетховенъ былъ въ 1760 г. придворнымъ пѣвцомъ въ капеллѣ Боннскаго курфирста, а въ 1763 г. назначенъ придворнымъ капельмейстеромъ. Онъ былъ женатъ, имѣлъ много дѣтей, въ числѣ которыхъ находился Іоганнъ ванъ-Бетховенъ, бывший теноромъ съ 1762 г. при капеллѣ курфирста. Іоганнъ ванъ-Бетховенъ женился въ 1767 г. на Маріи Магдалинѣ Кеверихъ, имѣлъ отъ нея четверо дѣтей; въ числѣ ихъ находился и знаменитый композиторъ. Престарѣлый Лудвигъ ванъ-Бетховенъ умеръ въ Боннѣ, въ 1774 г. Онъ крестилъ 29-го декабря 1770 г. своего знаменитаго внука.

ТЕАТРЫ:

РЕПЕРТУАРЪ съ 2-го по 9-е мая.

Александринскій.	2-го. Трубадуръ, драматическая опера въ 4 д.;—3-го. Бен. Барановой. Вѣдная невѣста, Оригин. ком. въ 5 д.—Честь удовлетворена, ком. въ одномъ д.;—Миленья дачка, въ 2 д.;—4-го. Фенелла, опера въ 5 д.;—5-го. Приемышъ, оригин. ком. въ 3 д.—Осенній вечеръ въ деревнѣ, вод. въ одномъ д.—Мотя, вод. въ одномъ д.—6-го. Русалка, Большая опера въ 4 д.—7-го. <i>Narciss. Besorgt und aufgehoben</i> .—8-го. Русская свадьба.—Миленья дачка.
Михайловскій.	2-го. <i>Die Rojalisten, Ein alter Tänzer</i> .—4-го. <i>Man sucht einen Erzieher</i> .— <i>Ein höflicher Mann. Ein alter Tänzer</i> .—6-го. Невѣстѣ 40 лѣтъ, приданаго сто тысячъ, ком. въ 3 д.—Старшая и меньшая, ком. въ одномъ д.—Петербургскія дачи, комедія вод.—въ одномъ д.—Охота пуще неволи, пьютка въ одномъ д.